

Я очнулся, будучи сонным и не в себе, но на моем телефоне меня ждали два текстовых сообщения от Виктории. Первое было отослано блондинкой около двух часов ночи, и по опечаткам я понял, что она уже достаточно выпила, а второе — десять минут спустя:

ВИКТОРИЯ> Ты свбден? Мне нжна эт прстань!

ВИКТОРИЯ> Ясделаю всё, что угодно, пожалуйста! Больше ничего не работает :/

Перечитав сообщения во второй раз, я поспешил в ванную и набрал ответ. Возможно, это была утренний стояк, пульсирующий между ног, или воспоминание о великолепных грудях моей мачехи, обхвативших мой член. В любом случае, я чувствовал себя очень уверенно, когда отправлял сообщение.

Я> Что угодно? Как насчет кого-нибудь?

Она не ответила сразу, но было еще рано, и я решил, что большинство студентов колледжа спят допоздна. Запрыгнув в душ, я вымылся и собрался на работу. Когда я снова проверил свой телефон, меня ждало сообщение от Виктории, и я по-волчьи ухмыльнулся, прочитав его.

ВИКТОРИЯ> Кого-нибудь! Хочешь, я снова приведу Лауру? Она умирает от желания снова почувствовать твой хуй... или... как насчет Эллен? Очаровательная второкурсница, которая получает удовольствие от анала... хочешь трахнуть жопу моей подруги?

Предложение было заманчивым, но у меня была другая идея. Напечатав свой ответ и отправив его, я увидел, как мгновенно появились три точки, говорящие о том, что она следила за моим ответом.

ВИКТОРИЯ> Да! О М Бог! ДА! Это было бы чертовски сексуально... но Энистон меня убьет.

Я> Позволь мне беспокоиться об Энистон. Я напишу тебе подробности позже.

Я поспешил вниз, чтобы позавтракать, и застала маму перед плитой, помешивающей яичницу. Она была одета для работы, в туфлях на каблуках и в обтягивающей черной юбке, которая идеально облегла ее попку. Станным был не ее потрясающий наряд, а тот факт, что она радостно напевала себе под нос. Я не мог вспомнить, когда в последний раз видел ее такой радостной и веселой утром.

Когда я вошел в кухню, моя кожа затрепетала от волнения, я не знал, какую реакцию я получу от нее после нашей "встречи" накануне вечером. Услышав, как открывается дверца холодильника, она оглянулась и сжала губы в скрытой улыбке, щеки слегка покраснелись.

— Доброе утро, Джейк... Как спалось?

— Удивительно, — сказал я, не в силах оторвать взгляд от ее массивных грудей, заключенных в один из плотных бюстгалтеров под белой блузкой.

— И твои сны были такими же... жаркими, как мои?

Ее глаза проследили меня с головы до ног под тяжелыми веками, и мне пришлось заставить свои мысли вырваться из этой сточной канавы, иначе я рисковал "наколоть дров" прямо на кухне.

— Они были... странными, — сказал я, чувствуя себя неубедительно, когда произносил это, и повернулся, услышав, как кто-то вошел в кухню.

— О чем вы двое говорите? — спросила Бонни, ухмылка мелькнула на ее лице, когда она бросила взгляд на нас обоих. — Напряжение настолько сильное, что его можно резать ножом.

Ее щеки окрасились, когда наши глаза встретились, но она села на один из табуретов и налила себе чашку кофе.

— Мы обсуждали твою проблему, — сказала мама, пряча самодовольную улыбку, когда она снова повернулась к плите. — И как твой брат согласился помочь тебе с ней.

Бонни издала придушенный звук, ее лицо стало белым, как простыня, и я увидел, как она отпрянула назад, ища предлог, чтобы сбежать из кухни, но я опустил на сиденье рядом с ней. Она посмотрела на меня со смесью беспокойства и извинения.

— Я думаю, нам стоит снова проводить занятия вместе, — сказал я, и Бонни вздохнула с облегчением от того, что я использовал эвфемизм. Мама оглянулась на меня и усмехнулась, затем вернулась к помешиванию яиц и радостному гудению. — Я договорился, что сегодня вечером у нас будет... партнер по сцене, если ты согласна.

— Еще один чувак? — спросила она, ее голос был напряжен от беспокойства, и она начала качать головой.

— Виктория, вообще-то, — сказал я, с удовольствием наблюдая, как выражение лица Бонни меняется на изучающее меня. Я почувствовал облегчение от того, что она не отмахнулась от этого сразу, и что моя смелость снова была вознаграждена.

Мама окинула меня тяжелым взглядом. Повернувшись со сковородой, она разложила яичницу по тарелкам, ожидая готовности бекона, и бросила на меня неодобрительный взгляд. Но Бонни кивнула, принимая от мамы тарелку с яичницей и беконом.

— Ты читал мой дневник, не так ли?

В ее голосе не было обвинения, но я поморщился и кивнул. Мама нахмурилась и перевела взгляд на Бонни, которая снова опустила голову и уткнулась в свою еду.

— Подруга Энистон классная, но ее нельзя назвать "милой" девушкой... Что происходит, Бон?

Моя средняя сестра не ответила сразу, и я вклинился в потянувшееся молчание.

— Она именно та, какая нужна Бонни, чтобы вжиться в свою роль, — сказал я с полной уверенностью, заслужив улыбку Бонни, которая заглянула мне в глаза.

Я был счастлив видеть, как растет ее уверенность, когда она уплетала еду, а мама оставила нас одних, беря сумку и собираясь на работу. Она сказала нам, чтобы мы были берегли себя, и обняла каждого из нас, прежде чем уйти. Наши объятия затянулись, и я воспользовался случаем, чтобы провести рукой по ее попке, за что получил шлепок по плечу и румянец от мачехи, прежде чем она выбежала из дома.

Когда я повернулась обратно к своему табурету, я обнаружила, что Бонни смотрит на меня, выгнув бровь.

— Что? — спросил я, чувствуя, как пылают мои щеки, но ничем не выдавая себя, пока она смотрела на меня.

— Когда она упомянула тебя, я поняла, что это произошло.

Она скорчила гримасу, как будто съела что-то неприятное, и вернулась к еде.

— Мерзость, только не говори мне, что между вами случилось.

Я был удивлен ее реакцией, но продолжал молчать, пока ел, внимательно наблюдая за Бонни. Ей было не так противно, как хотелось показать мне, и я видел, как она уже готовилась спросить меня о чем-то, прежде чем Энистон спустилась вниз.

Когда моя старшая сестра провальсировала на кухню, у меня пересохло во рту, и все мысли о Бонни и ее вопросах покинули мою голову. Энистон была одета в красный топик с бретельками-спагетти, который выглядел шелковым и плотно облегал её изгибы. Ее массивная грудь была стянута крепким бюстгалтером, а ноги и бедра были обтянуты черными кожаными штанишками. Пальцы ее ног выглядывали из-под туфель с каблуками красного цвета, в тон лаку на ногтях и топу. Густые медово-светлые волосы стояли на её голове, как грива, напоминая мне старые фотографии Фарры Фосетт.

— Джейк! — Голос Бонни донесся до меня сквозь шум крови в ушах, я моргнул и закрыл рот, тяжело сглатывая, чтобы убрать сухой привкус, и оторвал взгляд от Энистон, когда она вернулась с тарелкой яичницы с беконом, которую оставила ей мама.

— Что с тобой такое? — спросила Энистон, но я проигнорировала ее хмурый взгляд, пожав плечами в знак извинения перед Бонни, которая наблюдала за мной с забавным выражением лица.

— У него сегодня свидание, — сказала Бонни с ухмылкой. — Я думаю, он нервничает. Ты нервничаешь, Джейк?

— Свидание? — рявкнула Энистон, остановившись на месте и чуть не расплескав свою еду, когда она повернулась, чтобы посмотреть на меня. — Ты идешь с кем-то... на свидание?

Я никогда не слышала таких бурных эмоций от этой безупречной молодой девушки и не успел придумать, что сказать, как она бросила свою тарелку на стойку. На ее лице появилось выражение отвращения.

— Я не голодна.

— Энистон! — Бонни позвала свою старшую сестру, но Эни уже выходила из дома, бормоча что-то себе под нос. — Это была просто шутка... Что я такого сказала?

— Я не знаю, — сказал я, глядя вслед Энистон и желая больше всего на свете пойти за ней и все уладить, но подозревая, что это последнее, что я должен сейчас делать. — Последние пару дней она ведет себя странно.

— Ты имеешь в виду с тех пор, как ты трахнул ее подругу? — спросила Бонни, приподняв бровь, но я не был уверен, что дело именно в этом. — Энистон странно относится к эмоциям. Я поговорю с ней сегодня вечером.

— Нет, я поговорю, — сказал я со вздохом. — Это на меня она злится.

— Это правда, — сказала Бонни, ее ухмылка стала еще больше. — Я все равно не хотела этого делать... Энистон меня пугает.

Настала моя очередь смеяться, благодаря её за то, что она помогла снять напряжение. Я не хотел опоздать на второй день работы, поэтому быстро покончил с едой и поспешил уйти. На секунду я подумал о том, чтобы обнять Бонни и поцеловать на прощание, но это было не в наших правилах, и она лишь помахала мне рукой, когда я направился к выходу, и попрощалась, когда дверь закрылась.

— Пусть Виктория наденет лосины для йоги и толстовку своего сестринства!

<http://erolate.com/book/2069/58088>